

Роман Бродавко

Жаркий август

Над степью стоял изнуряющий зной. Изредка легкий дразнящий ветерок поднимал в воздух мелкую земляную пыль, которая забивала нос и скрипела на зубах. Безумно хотелось скатиться по косогору на пляж, плюхнуться с головой в ласковое теплое море, вынырнуть метров через двадцать, отдышаться и ощутить желанную прохладу. Но это было возможно раньше, в той жизни. А в этой был окоп, вырытый недалеко от обрыва, зенитное орудие, которое надо было беречь как зеницу ока, и полтора месяца войны, к которой они, вчерашние одесские мальчишки, еще не успели привыкнуть.

Город оборонялся. Новобранцы были частью этой обороны. Они свято верили, что враг споткнется о порог Одессы и откатится назад. А затем Красная Армия вытеснит его за Дунай и будет громить на чужой территории... Но когда это произойдет, не знал никто. Линия фронта была совсем рядом с городом, и сюда ездили на трамвае.

Утренний авианалет успешно отбили. Два самолета с черной свастикой на борту рухнули в степь. Остальные улетели.

Напряжение боя спало. Большинство ребят дремало под дикими маслинами и акациями, которые, как люди, страдали от жажды. О том, что произойдет в любую последующую минуту, никто не знал и не задумывался об этом. Известно было, что к концу дня ожидается приезд концертной бригады...

– Боря, у тебя брат родился! – издали закричал Валька. Он только что приехал из города, куда был послан по заданию командира батареи.

– Рядовой Осипов, оставить крик! – хмуро скомандовал младший лейтенант Гринштейн. – Докладывайте.

– Товарищ младший лейтенант, у Борьки брат родился. Мама во второй родилке, на Комсомольской... Отпустите рядового Подольского на братика посмотреть. Трамвай через двадцать минут идет... Он быстро. Можно?

– Рядовой Осипов, это не пионерский лагерь, это армия... – Гринштейну явно не нравились вольности Осипова, хотя этот неунывающий паренек, который был младше его всего на два года, вызывал у командира искреннюю симпатию.

– Но братик же не каждый день рождается, товарищ младший лейтенант! Борька только посмотрит – и обратно!.. – не унимался Валька.

И, конечно, он был прав, тем более что Борис заслужил поощрение: один из самолетов сегодня был сбит благодаря ему.

Гринштейн подумал и сказал:

– Иди сюда, Подольский. Сейчас одиннадцать двадцать пять, в городе будешь через час. Туда – сюда... В общем, чтобы в шесть был здесь, понял? Пошли, я тебе увольнительную выпишу...

В семье Подольских девятнадцатилетний Боря был старшим. Потом шли сестры: шестнадцатилетняя Маша и двенадцатилетняя Наташа, а за ними – десятилетний Алик. Семья была шумная, веселая, дружная. Жили бедно. А как еще проживешь, если работает один отец – инженер-механик на заводе? О том, что в семье может быть пополнение, никто не думал. И вдруг весной, краснея, как девочка, мама объявила, что скоро у них появится братик или сестричка. Как все радовались, особенно Алька! Теперь и он будет старшим братом!..

Маму в семье боготворили. Для детей она была всем: воспитательницей, советчицей, наставницей, кормилицей, затейницей... Больше всего дети боялись ее огорчить. Культ мамы создал отец, который любил ее нежно и преданно и своим отношением к жене подавал пример детям.

Когда мама вышла на кухню, отец негромко сказал:

– Ребята, берегите маму, помогайте... Ей сейчас очень трудно.

Боря учился на первом курсе в индустриальном институте. После того как все уgomонились и разошлись, он подошел к отцу и сказал:

– Пап, может, мне взять академ и пойти на завод? Ведь ты один нас не вытянешь?

– Вытяну, сынок. А если хочешь подработать... Я подумаю, как это сделать.

В начале лета отец сказал старшему сыну, что договорился на заводе: с конца июня по сентябрь он будет работать в механическом цехе.

Боря сумел сдать сессию досрочно и 23 июня должен был выйти на работу, но в этот день он оказался не в цеху, а в военкомате Воднотранспортного района...

Трамвайный вагон резко тронулся и помчался по выжженной степи в сторону виноградников.

– Ты куда, солдатик? – спросила вагоновожатая единственного пассажира, сидевшего на передней скамейке.

– В роддом, к маме.

– Она что – работает там?

– Да нет, братика родила.

– Надо же! Сколько ж ей?

– Сорок.

– Вот молодец! А я своего единственного как родила двадцать лет назад, так и воспитываю одна. А батька у вас есть?

– Есть!

– Счастливые вы! У моего сынка батька не было. Так случилось. Но ничего, зато крепкий вырос. Где он сейчас? С тех пор как призвали, одно письмо получила: «В Новороссийске мы». И все...

Вагоновожатая вздохнула и замолчала.

В город, к вокзалу, они приехали без остановок минут за сорок. А еще через двадцать Борис был у роддома. Окна второго этажа были завешены белой марлей. Сложив руки рупором, он громко крикнул:

– Ма-ма!

На пороге появилась строгая пожилая санитарка:

– Чего разорался?

– Мама здесь... И братик.

– Фамилия какая?

– Подольские.

– Есть такие.

– Может, пропустите?

– Ты что – с ума сошел? Это же роддом!

– Я с фронта отпросился...

Санитарка смерила его взглядом, потом сказала вполголоса:

– Стань возле крайнего окна. Мамка выглянет...

Она заперла входную дверь и ушла. А через минуту марлевая занавесь отодвинулась и в проеме окна появилась мама...

– Мамочка, как ты?

– Все хорошо, сынок. А ты как?

– И у меня все хорошо. Покажи его.

– Не могу. Он спит. Еще насмотришься. Как ты? Что ты там кушаешь, Боренька?..

Их разговор о вроде бы незначущих вещах длился минут десять, пока в окне не появилась какая-то дама в белой шапочке и решительно не отодвинула маму, закрыв марлевую занавесь.

Махнув на прощание рукой, Борис двинулся по Комсомольской до Тираспольской, прошел два квартала и повернул на Кузнечную. Он шел по жарким улицам и улыбался. А люди смотрели на него с недоумением: чему может радоваться долговязый солдатик в это тревожное время?

Вот и Успенская. Здесь он жил.

Девчонки и Алька были дома. Увидев Бориса, бросились на него, повалили на пол...

– Расскажи, как ты фашистов бьешь! – потребовал Алька.

– Я не один, мы вместе бьем.

– Из пушки?

– Из пушки.

– А как они выглядят, эти фашисты? Страшные?

– Я их не видел. Мы фашистские самолеты сбиваем...

– И все? – Алька был явно разочарован. – А я думал, что вы врукопашную... Раз его, два!..

Сестры усадили Бориса за стол. Помчались на кухню. Есть Борису не хотелось. Но кукурузная каша, сваренная сестричками, пахла домом. Его домом. И он наслаждался ею, как изысканным блюдом.

Потом они все вместе решали, как назовут братика. Сошлись, что назвать надо Марком – в честь любимого дедушки, маминого отца, который недавно умер.

В половине четвертого Борис поднялся: пора... Трамвай уходил в четыре.

Вагоновожатая была та же.

– Ну что, мамку видел? – спросила она своего единственного пассажира.

– Видел.

– Ну, слава Богу! Повезло тебе, хлопец... А то там такое было!..

– Что было?

– Налет был, вот что... Я как раз туда концертную бригаду привезла... Вдруг те гады прилетели и давай обстреливать. Наши к орудиям... Отогнали... Правда, не сразу... Одному артисту, танцору, кажется, руку оторвало. Да и среди ваших потери есть...

Она замолчала. Борис оцепенел. Ему показалось, что если бы он не уехал, всего этого бы не случилось. Скорее туда!..

Когда он прибежал к батарее, раненых уже увезли. Ранены были Сашка Трофимов, одноклассник Бориса, и артист... В стороне от окопа лежало тело, покрытое брезентом. Это был Гринштейн, убитый осколком снаряда.

Борис застыл возле него, как вкопанный. Это был первый убитый, которого он видел. До сих пор он не мог представить себе, что кто-то из его ребят может погибнуть. А теперь перед ним лежало тело человека, с которым он был рядом полтора месяца, выполнял его команды, разговаривал в минуты отдыха. Человека, который нравился ему своей самодисциплиной, начитанностью, воспитанием. С Гринштейном было спокойно, надежно, казалось, что для него не бывает неразрешимых ситуаций. А теперь его нет...

Валька Осипов командовал ребятами, которые переводили орудия в другое место. Его никто не назначал, но после гибели младшего лейтенанта он сам взял на себя обязанности командира. Борис тоже включился в работу. Все делалось молча. Да и о чем было говорить сейчас?

Настал вечер. Зной отступил. Повяло прохладой. Одни ребята после долгого и тяжелого дня уснули сразу, к другим сон не шел. Валька и Борис сидели рядом, опершись на шершавый ствол акации, и молчали. Наконец Осипов сказал:

– Хороший парень был. Бабушку его жалко...

– А что – бабушка? – не понял Борис.

– Гринштейн с бабушкой жил, после того как его родителей в 37-м посадили. Очень любил ее...

Вдруг Валька резко переменял тему:

– Завтра мы уходим отсюда. Он мне об этом за полчаса до смерти сказал. Отступаем... Хорошо, что ты со своими повидался. Когда еще придется!..

На рассвете немцы не прилетали, словно чувствуя, с каким настроением их ожидали зенитчики. А в середине дня поступил приказ свернуться и уходить в восточном направлении...

Будущее становилось все более непредсказуемым. Разве мог Борис предполагать, что через месяц окажется в плену, в Болгарии, где проведет два с половиной года под чужой фамилией? Что после освобождения из плена большой милостью по отношению к нему станет штрафбат? Что кровью придется смывать вину, которой у него не было, и только после тяжелого ранения у озера Балатон его «простят» за плен и даже наградят медалью «За отвагу»?

Он вернется в Одессу, станет слесарем на судоремонтном заводе. Родители возвратятся после эвакуации в Среднюю Азию вместе с предприятием, на котором всю жизнь трудился отец. Девчонки закончат вузы, выйдут замуж. Алька уедет в Москву и со временем станет крупным математиком. А Марек – известным художником, картины которого разойдутся по всему миру. Во всем этом нет ничего особенного, если учесть, что кроме природной одаренности все Подольские хорошо учились и выросли трудолюбивыми людьми.

Вернувшись с войны, Борис неожиданно для себя ощутил потребность писать. Он сочинял стихи, которые первое время читал только самым близким. Однажды девушка, которая вскоре стала его женой, отнесла несколько стихотворений редактору заводской многотиражки. Тот поместил их в газете накануне 9 Мая, снабдив врезкой о том, что это – стихи ветерана Великой Отечественной и передовика производства...

А дальше – пошло-поехало. Подборки в газетах и журналах, участие в литературных вечерах, первая книжка. Бориса приняли в Союз писателей, где в пятидесятых годах был острый дефицит

поэтов «от станка» и «от сохи». Писательством в те годы можно было прокормиться, но Борис не оставлял работу на заводе. Его долго не покидало чувство, что написанные им стихи несовершенно, в чем-то слабые – и читатели это ощущают. Но постепенно этот страх прошел...

С известностью пришли литературные премии, внимание со стороны городских властей и... старость. О ней напоминали ночные боли в сердце. Лежа на спине, Борис прокручивал в памяти свою нелегкую богатую событиями жизнь, но чаще всего вспоминал один день в августе сорок первого, когда впервые увидел смерть на войне.

